

Наконец отменили визы в Европу, и можно от этого получить такое же удовлетворение, как от моря. Человек живёт у моря и ни разу на него не посмотрит, но оно должно быть в лёгкой доступности. Вот так и с отменой виз – неважно, соберётся человек ехать или нет, но сама возможность, само ощущение – можешь свободно ехать, куда захочешь, – должно быть. Проку мало от золотой рыбки в аквариуме, но она должна быть.

И вот я еду в поезде Берлин – Баден-Баден – русский курорт в Германии. В этом городе всё построено русским человеком. Там русский дух даже в немцах. Надо отдать должное великой немецкой нации – она трепетно относится ко всему великому русскому.

На память пришёл случай. В начале двухтысячных баденцы обнаружили вензеля на досках, из которых были сколочены стеллажи аптеки, расположенной на одной из центральных улиц – Софиштрассе. Историки изучили находку и выяснили – вензеля принадлежат Двору Его Императорского Величества Российского Самодержца. Русский Царь выделил деньги для организации аптеки ещё в середине девятнадцатого века. Даже аптечные весы имели Императорские вензеля! Жители города собрали средства и установили на стене аптеки памятную доску, а мэр Баден-Бадена – день открытия памятной доски объявил выходным. На торжество собрались все жители, и заурядное мероприятие превратилось в большой городской праздник. Кто после такого посмеет подвергнуть сомнению право немцев называться великой нацией?

Сюда же, в Баден-Баден, после дуэли с Александром Сергеевичем Пушкиным направился и злыдень русской литературы Дантес. Он прогуливался по аллее Софиштрассе и наслаждался курортной жизнью. Возможно захаживал в Императорскую аптеку за лекарствами. А Пушкина Император так и не соблаговолил выпустить за границу, о которой мечтал поэт и куда стремился.

Просторные, светлые вагоны, приветливые проводники и тихий шум колёс умиротворённо действуют на путешественника. Со мной в купе

оказалась женщина преклонного возраста, по манерам – гранд фрау с холёными руками, ухоженным лицом и мягким – странно для немки – тембром. Она вошла в сопровождении вагонновожатого. По нашим меркам это обычный проводник, но мундир, пафос, менторство, с которым встречал пассажиров этот служитель, меньше, чем на звание вагонновожатого, не тянул. Следом за ними носильщик в купе внёс саквояж. Взглянув на меня, фрау отдала тихое распоряжение служителю. Для этого ей пришлось слегка наклонить голову. Фрау была выше среднего роста, а вагонноводный – толстячок-коротышка. Откланявшись, тот так же бросил короткий взгляд в мою сторону и удалился. Не стану скрывать, я пожалел о соседе, поскольку дорога дальняя, и я бы предпочёл общество мужское или, если женское, то моложе.

– Вы русский? – Устроившись напротив, неожиданно обратилась ко мне фрау по-русски. Её пронительность и лёгкий, приятный для слуха акцент показались мне любопытными.

– Как вы это определили? – Не смог я скрыть удивления.

– А-а! Вы одессит! – мило воскликнула фрау. – На вопрос отвечаете вопросом.

– Извините! – Попытался я исправить свою бестактность. – Да, я русский, но не одессит. И всё-таки, как вы определили, что я русский? – По глазам, – запросто пояснила она, махнув платочком и с выражением лица человека, знающего, о чём говорит. – Смотрите с интересом на всё, даже на малоинтересные детали. Например, такую, как я.

– Не могу понять, как вы донесли саквояж до поезда, – ухватился я за спасительное оправдание.

– Сама не могу понять... – И фрау повела плечами.

Мой ответ сбил её с последовательности умозаключения, и она задумалась, вспоминая, о чём говорила, но быстро спохватилась.

– Не сбивайте меня, я и сама собьюсь, – и снова умолкла, а настроившись, продолжила. – Взгляд, вроде, скользнул, и я вижу, уже смотрите в окно, но на меня навалилось беспокойство – всё заметил, всё рассмотрел, всё обо мне знает. Или я

ошиблась?

– Вы хорошо говорите по-русски, – решил и я ответить комплементарно, тем самым уводя разговор от дальнейшего разоблачения.

– Данке, – поблагодарила фрау, сопроводив лёгким поклоном головы и затолкнув платочек за манжет. – Уступаю вашей галантности. Не взыщите, если что-то не так. Всё-таки я уже бабка.

– Всё так, – ответил я, и мы долго посмотрели друг на друга.

Не знаю, что волновало фрау, но мне показалось – мы всё поняли с полуслова, и я испытал неловкость от первоначального сожаления о попутчике. В её улыбающемся взгляде я увидел – моя «бабка» прощена.

– Раньше я говорила лучше, – успокоенно продолжила она. – Много практиковала. Теперь всё больше стару.. старушечьи... Я правильно сказала? – и, получив мой одобрительный кивок, продолжила. – ... разговоры с подружками, а они все немки. Я люблю говорить на русском. Живёте в Германии или вояж... – моя собеседница снова запнулась, подбирая правильное слово. – Как правильно сказать? В гости приехали?

– Можно сказать – гошу, – мне не хотелось вдаваться в детали своего путешествия.

– Гошу, это что такое? – свела брови фрау.

– Гости, – действие, глагол.

– Только у русских может быть и предмет и глагол одним словом, – задумчиво проговорила фрау. – Гости – люди, и гости – процесс. Чем вы занимаетесь?

– Писатель, – признался я.

– Я должна была сразу догадаться! – Мои слова привели фрау в восторг, и она уставилась на меня вспыхнувшими глазами. – Этот цепкий взгляд! Конечно, вы писатель! Вы мне и нужны! – восторженно протараторила она, протягивая руку. – Грета Филипповна. Можете так же обращаться ко мне Галина Фёдоровна. Моё настоящее отчество по-русски Фёдоровна. Моего папу, на родине, в России, когда он там жил с мамой, звали Фёдором.

– Очень приятно. Георгий Александрович, – представился и я.

Моё любопытство вылезло наружу, но я и не собирался скрывать – меня заинтересовало сказанное экстравагантной соседкой по купе.

– Как быстро я завладела вашим вниманием?! – Продолжала возбуждённо Грета Филипповна. – Будьте любезны, подайте мой багаж, – и фрау Грета указала рукой на саквояж, который носильщик еле-еле затолкал на верхнюю багажную полку. – Зачем он туда поднял? Под ногами полно свободного места. Я часто езжу этим поездом, и людей всегда мало.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы спустить, не уронив саквояж.

– Открывайте, – подавая маленький ключик, распоряжалась Грета Филипповна. – Я всё равно

без очков плохо вижу. То отделение не трогайте. Оно не для постороннего глаза, а вот это, маленькое, можно свободно.

Когда я открыл указанное отделение, хозяйка извлекла оттуда несколько толстых тетрадей, перевязанных лентой, и протянула мне.

– Вы должны посмотреть. Это дневники моего отца, русского морского капитана, – Грета Филипповна заговорила надрывно-взволнованно, она то и дело клала руку на тетради, словно принося клятву. – Это мой долг. Я везу их Ренате Эфферн в Тургеневское общество в Баден-Бадене. Хочу передать ей. Рената училась в России ещё во времена Сталина, а теперь председатель этого общества. Она замечательный человек и большая русистка! Так можно сказать?

– Можно, – подтвердил я.

Пока Грета Филипповна посвящала меня в историю своей семьи, я раскрыл первую тетрадь и просматривал исписанные ровным почерком жёлтые листки. Короткие записи были разбиты по дням и начинали датироваться сорок шестым годом. Каждая сопровождалась и временем, в которое делалась. Пролистывая страницы, я словно переходил от часа к часу, от дня ко дню – автор в основном писал ночами – «23.15», «02.30», «00.20». В первых трёх тетрадях записи делались ещё чернильным пером, затем перешли на шариковую ручку, но попадалось много записей и обычным химическим карандашом. Чернильные записи раскрыли об авторе некоторые его черты. Это был обстоятельный, выдержанный, уверенный в себе человек – все линии ровные и равномерно наполнены чернилами. Нельзя было определить, в каком месте макалось перо в чернильницу – не было ни одного разрыва и ни одного неровного стыка.

«Дорогая дочь! Обстоятельства заставляют вести эти дневники, потому что не имею другой возможности с тобой поговорить, а ты должна знать всю правду о нас с мамой, о своей семье. Ты русская девочка, и нам с мамой очень бы хотелось, чтобы такой и осталась. Никогда не забывай, настоящее имя твоего папы – Потапов Фёдор Кузьмич».

Сверху, над именем отца было дописано, но уже женским почерком – «а мамы – Амалия Арнольдовна Бригген – русская».

«В России есть у тебя дедушка и бабушка – это мои родители». Окончания в словах «дедуш-ка» и «бабушка» исправлены на «и» и снова, над «мои» дописано той же рукой, что и в предыдущем случае: «и мамыны». В отличие от основного почерка этот был нервным, с разрывами и оста-вил многочисленные царапины на бумаге – вносящий дополнения продолжал водить пером даже тогда, когда заканчивались чернила. Затем, спохватившись, обводил буквы новыми чернилами, но уже не попадал в линии. Дописывающий не скупился на кляксы.

– Вы видите там дописочки? – поиграв

указательным пальцем, фрау постучала по тетради.
– Это мама своей рукой делала уточнения.

Грета Филипповна хотела ещё что-то сказать, но вошёл вагоновожатый, держа в руках два стакана с парящим чаем и упаковку цукатов.

– Битте, – улыбаясь, он всё это поставил на столик.

– Я сразу заказала чай на двоих, – лукаво прищурившись, прокомментировала инициативу служителя фрау Грета.

– Спасибо, – я достал из своих припасов печенье и высыпал немного в тарелку. – Угощайтесь. Домашние. Делала моя жена.

– О-о-о! – воскликнула Грета Филипповна и, придвинув к себе упаковку с печеньем, внимательно его рассмотрела. – Она у вас кудесница.

М-м-м, как вкусно! – не скупилась на похвалы моя соседка, причмокивая. – Тает во рту. Признаюсь, у меня никогда не получалось сделать тесто, чтобы оно становилось таким рассыпчатым. М-м-м, внутри что-то есть?

– Это грецкий орех.

Мне было приятно слышать лестные отзывы о кулинарных способностях моей жены, но особо забавляло то, с какой стремительностью печенье таяло в тарелке. Грета Филипповна двумя пальчиками брала печенье за краешек и откусывала, чтобы, закрыв глаза от удовольствия, медленно смаковать каждый кусочек.

– Ой-й, – вздохнула она, когда её чашка опустела. – Это было что-то изумительное. На чём я остановилась? – резко став серьёзной, спросила Грета Филипповна, но, поймав мой улыбающийся взгляд, стушевалась: – Что, смешная старая немка? Напишите обо мне сатирический памфлет, как она поедала мою еду?

– Ну, что вы! – рассмеявшись, поспешил я успокоить фрау. – Вы остановились на дневниках.

– Дневники мне попали в руки после смерти мамы, – продолжила рассказывать Грета Филипповна. – Я разбирала её вещи и обнаружила их. Надо сказать, смерть мамы стала для меня ударом. Смерть папы я перенесла очень тяжело. Но мама... это был удар. Последний год жизни папа тяжело болел, и я его почти не видела. Он лежал отгороженный ширмой. Я же никогда не слышала его голоса, – словно оправдываясь, неожиданно громко выпалила фрау Грета, но быстро справилась с эмоциями и тише продолжила: – Мама не болела. Легла спать и не проснулась. Мама всю жизнь прожила очень тихим человеком. Она даже говорила полупшепотом, – рассказчица перевела дыхание и, достав из рукава платок, поприкладывала его по лицу. – После её смерти я долго не могла заходить в их с папой комнату. Закрывает на ключ и словно потеряла его. На комнату

родителей было наложено табу. – Рассказчица задумалась, прежде чем продолжить. – У меня пятеро внуков. У сына трое и у дочери двое. За ними глаз да глаз – шалуны, но и они знали – в ту дверь ни-ни. Спустя годы всё-таки решила войти. Что меня ожидало, только Бог знает... – Грета Филипповна закусил губы, удерживая приступ слёз, и нервно постучала пальцами по тетрадам. – Но самое ценное вот это.

За окном тянулась однотипная, уютная Германия и от этого становящаяся скучной. Где-то вдаль пролегла полоска автобана, по поверхности которого, как по нитке, мчались автомобили, обгоняя поезд. Послышался протяжный гудок локомотива, извещающий о том, что впереди участок доро-ги повышенной опасности, немного спустя мы въехали на мост. За окном замелькали металлические конструкции ферм, стянутые многочисленными клёпками, а внизу, искрясь и извиваясь, не-сла свои воды речушка. Автобан так же пересекал долину реки, но уже по своему мосту с высоки-ми опорными террасами, уложенными из камней. Я не знаю, когда был отстроен этот мост, но мне представилось – этому мосту века и по нему, наверно, ездили ещё рыцари. Есть ли летописи, которые могли бы это подтвердить или опровергнуть, я тоже не знаю, но я знаю точно – у меня в руках летопись семьи этой женщины.

«Мы с мамой договорились: «эти записи ты прочтёшь после нашей смерти. Нам стыдно перед тобой, но ты поймёшь наш обман и простишь. Если же нет, то всё равно мы не узнаем этого и унесём его с собой к Всевышнему».

– Мой папа был глухонемой, – в сердцах проговорила Грета Филипповна. – Точнее я так думала всю жизнь, – фрау Грета промокнула выступившие слёзы и, с усилием сглотнув снова подкатившийся ком, продолжила, – я всю жизнь жила с тем, что мой папа глухонемой. И тут мне попадают эти записи, и из них я узнаю, – ничего подобного. Мой папа прожил до восьмидесяти пяти лет, и я ни разу не слышала его голоса. Я даже не могу себе этого представить. Его истязали кошмарные боли, но он не проронил ни звука. По отношению ко мне разве это справедливо? – И фрау Грета всё-таки не выдержала и разрыдалась.

Я продолжил читать, оставляя женщину самой справиться с эмоциями.

«Дорогая дочь! Настало время рассказать тебе нашу не простую историю. Много лет назад, а точнее, в сорок четвёртом году, мы бежали из России в Германию. Наш побег был вынужденной необходимостью.

Мы с мамой познакомились ещё в школе. Полюбили друг друга и собирались пожениться. Я окончил мореходное училище, а она стала

учителем немецкого языка».

– Моя мама была немкой по рождению, но немкой прибалтийской, – забегая вперёд, дополняла моё чтение Грета Филипповна. – Но родной язык у неё был русский. Она была советским чело-веком, комсомолкой, верила в коммунистическую партию. Мы тут, у нас в Германии, тоже верили в коммунистическую партию! – Воскликнула фрау Грета, кулаком прижав губы. Она шумно задышала, гася эмоции, и, успокоившись, покорно продолжила, – и вот, её пригласили в органы, сами понимаете, какие. У нас они такие же, и мы их боялись не меньше. Так вот, пригласили и сказали, что она должна сопровождать американских моряков, когда те сходят на берег. Мама им отвечает: «Я не знаю английского языка. Я учитель немецкого», а он ей бросает с ухмылкой, этот самый товарищ: «Для этого дела знание языка вообще не нужно», и стал ржать. Мама вспыхнула. Она у меня была всегда очень властной женщиной. Она им говорит: «Я замуж собираюсь за капитана военного корабля». Тогда товарищи ей и отвечают: «Если откажешься, то твой жених пойдёт в штрафбат, а ты поедешь на Колыму лес валить как враг народа», – фрау Грета взволнованно стала разглаживать трясущейся рукой складки платья. Её переполняло горе. – Меня удивляло – откуда брала силы эта женщина? – Чтобы спасти жизнь свою, а больше папину, мама согласилась. Папа пришёл к ней вечером, а она ему от ворот поворот, – Грета Филипповна отсекала рукой. – Уходи. Никаких свадеб не будет. Папа тоже был нрава крутого. Идёт война. Не до сантиментов. Вспыхнул и хлопнул дверью, – Грета Филипповна задумалась и тише проговорила: – Почему она не сказала папе? Вместе что-нибудь придумали бы, – и умолкла, а я продолжил читать дневники.

«Весной сорок четвёртого, меня, капитана военного корабля, вызвал начальник штаба и вручил приказ. Также он сказал, для выполнения этого задания надо отобрать надёжный экипаж, потому что предстоит принять на борт секретный груз и выйти в открытое море. А уже там, в море, получить инструкции, как с ним поступить. В назначенный час команда собралась на выполнение поставленной задачи. К причалу подъехали две хлебозовки, и из них выгрузились около сотни девушек. Это и был наш секретный груз. Их сопровождал майор с взводом автоматчиков НКВД. Все поднялись на борт, и мы вышли в море. Среди девушек я увидел твою маму. К вечеру конвоиры устроили попойку. Воспользовавшись возможностью, я увёл маму к себе в каюту, и нам удалось поговорить. Мы разговаривали всю ночь. Страшную правду узнал я тогда. Ценой своей

чести она спасла меня. Все девушки, которых к нам погрузили, обслуживали американских моряков из конвоев, которые доставляли военную технику для нашей армии. Также эти девушки должны были доносить в НКВД обо всём, что слышали. Узнав всю эту историю, я понял, какая участь уготована им. Среди трофейного хлама я нашёл мундир рядового немецкой армии. Переделался в него, и мы с мамой выпрыгнули в море. Решение было обоюдное, и мы готовы были погибнуть, но вместе. Нас подобрало норвежское торговое судно, а поскольку мама хорошо говорила по-немецки и успела выучить английский, ещё и мой мундир помог, нас передали береговым службам Норвегии. Там мне и пришлось стать глухонемым в результате контузии. После нескольких месяцев скитаний по фильтрационным пунктам, нам удалось добиться и выехать в Германию. На руках мы имели временные документы, которые выдали нам норвежские полицейские.

Фамилию пришлось записать мамину. У неё была фамилия немецкая – Бригген. Спасло нас и то, что у мамы было спрятано её свидетельство о рождении. Этот единственный документ и только случай, который благоволил нам, спасли нам жизнь. Так мы стали герр Филипп Бригген и фрау Амалия Бригген».

– Когда я прочла в его дневниках, что он слышал меня, но не мог заговорить, боясь, что я не выдержу и проговорюсь в школе или кому-то из сверстников, – Грета Филипповна уже не могла сдерживаться и заплакала. – Он не верил в мою русскую душу. Они оба мне не верили.

– Скорее всего, опасались за вас, – попытался я оправдать родителей Греты Филипповны.

– Да, да, конечно, опасались, – фрау Грета тяжело вздохнула. – Вы, русские, всегда готовы жертвовать и всё понять и оправдать. Я – немка, – одними губами вывела фрау Грета и задумалась.

Я старался не мешать. Самому необходимо было собраться с мыслями. Всё, что я узнал, потрясло меня. Мне было жаль сидящую передо мной женщину. Эта её фраза «я – немка» – вырвалась из её сердца сгустком горечи.

– Моя мама работала учителем русского языка. Безумие судьбы – в России преподавать немецкий, а в Германии – русский, – неожиданно Грета Филипповна оживлённо заговорила, а глаза её, красные от слёз, загорелись. – Это была уловка мамы. Таким образом, она могла меня выучить русскому языку, чтобы папа слышал и понимал меня. Дома мы с ней всегда разговаривали по-русски. Только теперь я понимаю, почему. Папа нас слушал и тоже как бы общался и был участником нашей беседы. Какой сильной воли был мой отец! Он ни разу не выдал себя. Ни одним мус-

кулом на лице. Улыбался всегда тихо, беззвучно, как все немые, – фрау Грета снова притихла.

«Я слушаю твой голос, как ты разумно рассуждаешь, и радуюсь. Мы с мамой гордимся тобой». – В подтверждение слов Греты Филипповны попала мне на глаза строчка в дневнике.

– Надеюсь он не знал немецкого, – спустя некоторое время Грета Филипповна заговорила улыбаясь, – а то, когда приходили ко мне подруги, мы о таком говорили! Как представляю, что он всё понимал, и сегодня стыдно становится, – и Грета Филипповна зарделась.

В этот момент разговора я едва удержался, чтобы не спросить, сколько лет моей собеседнице. Воспоминания молодости преобразили фрау Грету так, что я увидел перед собой молодую, бойкую женщину.

– Благодаря дневникам я стала отдавать себе отчёт в тех событиях, которые происходили, о тех условиях, в которых мы жили, – в отчаянии проговорила Грета Филипповна, сжимая кулаки на груди. – Я же была ребёнок. Как может оценивать ребёнок? Нам, детям, кажется: весь мир вертится только вокруг нас. Но я помню, старики, – Грета Филипповна осеклась и, лукаво улыбаясь, задержала на мне взгляд. – В то время старики рассказывали шёпотом, как ловили беглых советских солдат. Война закончилась, и было много русских солдат, которые не хотели возвращаться в Россию. Они старались любым способом остаться в Германии. Их разыскивали, ловили, связывали и отправляли на расстрел.

– Эта страница истории войны прошла мимо меня, – признался я и предположил. – Может, дезертиры какие-нибудь?

– Нет! – воскликнула фрау Грета. – Это были обычные русские солдаты. Они победили Гитлера, стояли у Рейхстага. Но когда надо было возвращаться в Россию, они предпочли бежать, чтобы остаться в Германии. Их долго ловили. Некоторых поймали в шестидесятых. Сначала НКВД, а потом и наши немецкие полицейские. Представляете, под какой угрозой постоянно жили мои родители? Если бы поймали отца, то я даже боюсь гадать, что бы его ожидало? Капитан не выполнил приказ, устроил побег врагу народа и бросил судно! Представляете? Его бы разорвали на куски. А что ожидало бы мою маму, я даже думать не могу без боли в сердце.

Во время встреч с читателями я часто говорю: «Я продукт советской системы». Я искренен, когда это говорю. Слушая сидящую передо мной бедную женщину, я задался вопросом: и этой системы? Воспитываемому системой, нельзя отделиться от её части и сказать: Я продукт все-

го хорошего, а всё, что плохое, ко мне не имеет никакого отношения».

– Я продукт этой системы, – задумчиво проговорил я.

– Что? – Фрау Грете потребовалось время, чтобы понять смысл сказанного мною. – Нет, вы не продукт. Вы писатель, Вы не можете быть таким! – Отрезала Грета Филипповна оценивающе разглядывая мою перекошенную улыбку. – Вы зачем приехали в Германию?

– В гости, – глядя в окно, тихо ответил я.

– Потом уедете домой, – не находила себе места от нетерпения моя собеседница.

– Уеду.

– Вот видите! – воскликнула женщина. – Если перед кем-то Германия повинна и кому-то Германия и должна, так это только русскому человеку. Я не могу понять, почему мы, немцы, налогоплательщики Германии, должны содержать евреев, каких-то поволжских немцев и всякий другой человеческий сброд, который к нам едет, и ни одного русского не берём на обеспечение? Ведь все эти приезжают на нашу шею, живут за наш счёт и пользуются нашими благами, но не хотят учить наш язык, историю, знакомиться с нашей культурой. Зато знают, как требовать! Какое же нахальство?! – Грета Филипповна едва отдышалась от переполняющего её возмущения. – Мне рассказывала подруга. Её дочь работает в социальной службе, которая занимается поддержкой вот этих самых. На днях один еврей по фамилии Левензон подал на них в суд. Это же каким надо быть наглцом! Мало того, что навесил на нашу шею свою маму-инвалида, так он ещё и сам подживается за наш счёт. Ну, Бог с ним. Но ты хотя бы не нарушай условий твоего обеспечения. А он что сделал? Бросил свою маму на социальных работников и укатил на несколько месяцев к себе на родину. Мы ему перечисляем деньги на счёт, а он гуляет где-то там и тратит наши денежки, вкладывая в чужую экономику. Думал, никто не заметит. Германия гуманное, социальное государство, но если мы и выделяем деньги ни за что, то хотим, чтобы тратились эти деньги, покупая товары немецкого производителя, чтобы деньги оставались в обороте Германии. И вот, этот еврей подал в суд на социальную службу за то, что те сняли с него социальную помощь. Каков нахал?! Но ничего не вышло! Мы его заставили вернуть все денежки.

«Да, Фёдор Кузьмич Потапов, – размышлял я, слушая дочь русского моряка. – Ваша русская дочь с настоящей немецкой душой».